

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-541-563>

Научная статья

Правореализация как компонент правовой реальности: философско-правовое исследование

А.В. Скоробогатов¹ , А.В. Краснов²

¹ Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
г. Казань, Российская Федерация

² Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Российская Федерация
 av.skorobogatov@mail.ru

Аннотация. Исследуется правовая природа правореализации в контексте правовой реальности через призму философско-правового анализа. Цель исследования — формирование научно обоснованных знаний о месте и роли правореализации в правовой реальности. Методология основана на комплексном использовании постклассической методологии, позволяющей изучить правовую природу правореализации и ее значение для развития и функционирования правовой реальности. Результаты: правореализация рассматривается в статье как комплексная философско-правовая категория. Онтологически правореализация выступает определяющим средством юридического воздействия позитивного права на сознание и поведение человека. Феноменологически ее можно рассматривать в качестве самостоятельного уровня правовой реальности, представляющую собой систему действий субъектов права, направленных на воплощение в жизнь государственных предписаний, объективированных в совокупности индивидуальных правовых актов. Аксиологически правореализация — это движение правовых ценностей от их ментального осознания к воплощению в тех возможных моделях правовых взаимодействий, которые конструируются субъектами и затем, пусть и частично, отражаются непосредственно в правовых отношениях. Выводы: как комплексная категория правореализация включает в себя ментальный компонент (постижение в правосознании содержания юридических норм разного уровня и качества, практики их осуществления на практике, выбор возможных вариантов правового и (или) неправового поведения, обусловленный рациональными и иррациональными факторами, ценностными предпочтениями субъектов) и деятельностный компонент (деяния правового характера, которые согласуются с требованиями норм позитивного права).

© Скоробогатов А.В., Краснов А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: правореализация, правовая реальность, постклассическая методология, правовая коммуникация, онтология права, феноменология права, аксиология права, юридическая норма, правовая ценность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: Скоробогатов А.В. — Общая концепция статьи. Аннотация. Онтологический аспект правореализации. Феноменологический аспект правореализации. Аксиологический конспект правореализации. Выводы. Список литературы. Общая редакция; Краснов А.В. — Введение. Феноменологический аспект правореализации. Выводы. Список литературы.

Дата поступления в редакцию: 30 марта 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правореализация как компонент правовой реальности: философско-правовое исследование // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 541—563. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-541-563>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-541-563>

Research Article

Legal realization as a component of law reality: philosophical and legal research

Andrey V. Skorobogatov¹ , Alexandr V. Krasnov²

¹ Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova (IEML), Kazan, Russian Federation

² Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation

 av.skorobogatov@mail.ru

Abstract. The article examines the nature of legal realization in the context of law reality through the prism of philosophical and legal analysis. The purpose is the formation of scientifically based knowledge concerning the place and role of legal realization in law reality. The methodology is based on the complex use of post-classical methodology, which allows studying the law nature of legal realization and its significance for the development and functioning of law reality. The findings may be outlined as follows: Legal realization is considered in the article as a complex philosophical and legal category. Ontologically, legal realization may be defined as determining means of the legal impact of positive law on the consciousness and behavior of a person. Phenomenologically, it may be considered as an independent level of law reality, which is a system of actions of subjects of law aimed at implementing state prescriptions, objectified in the totality of individual legal acts. Axiologically, legal realization is the movement of law values from their mental awareness to embodiment in those possible models of legal interactions that are constructed by subjects and then, albeit partially, are reflected directly in legal relations. Conclusions: legal realization as a complex category includes a mental component (comprehension in legal consciousness of the content of legal norms of different levels and quality, practice of their realization in practice, choice of possible options for legal and (or) non-legal behavior due to rational and irrational factors, value preferences of subjects) and an activity component (legal actions that are consistent with the requirements of the norms positive law).

Key words: legal realization, law reality, postclassical methodology, law communication, ontology of law, phenomenology of law, axiology of law, legal norm, law value

Conflicts of interests. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: *Skorobogatov A.V.* — The general concept of the article. Abstract. Ontological aspect of legal realization. Phenomenological aspect of legal realization. Axiological synopsis of legal realization. Conclusions. References. General edition; *Krasnov A.V.* — Introduction. Phenomenological aspect of legal realization. Conclusions. References.

Article received 30th March 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Skorobogatov, A.V., Krasnov, A.V. (2022) Legal realization as a component of law reality: philosophical and legal research. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 541—563. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-541-563>

Введение

Правореализация традиционно занимает большое место в исследовательской проблематике юриспруденции (Ershov, 2021:14—30). Процесс эффективной правореализации способствует исполнению государством своих основных функций по упорядочиванию общественных отношений. Правореализация — это процесс превращения юридически значимых идеальных моделей поведения в практическую реальность, в действенную систему общественных отношений. Правореализация должна обеспечивать процесс регулирования общественных отношений в направлении, благоприятном для человека и общества. Без воплощения юридических норм в реальную жизнь они являются лишь декларируемыми, теряют свое социальное назначение (Friedman, 2016:220). Ведь сущность и социальное назначение права заключается в его возможности регулировать поведение людей. Изучение этого явления позволяет понять и объяснить особенности правового воздействия на социальную реальность.

В исследовательской литературе для обозначения данного явления используются три понятия: «правореализация» (Zhigachev, 2011:322—328), «реализация норм права» (Evsegneev, 2018:43—54) и «реализация права» (Maksimov, 2014:75—81). Однако последнее очень часто употребляется при рассмотрении права не в объективном, а в субъективном смысле (Shalamova, 2018: 279—281). Поэтому при изучении данного явления в теоретико-правовом, а тем более в философско-правовом контексте, наиболее целесообразным представляется понятие «правореализация».

В отечественной литературе в силу доминирования нормативистского правопонимания правореализация преимущественно рассматривалась в деятельностном духе — как воплощение требований норм права в правомерном поведении субъектов (Lazarev, 1972:9; Rabinovich, 1983:7; Reshetov, 1989:30). Акцентируется внимание на то обстоятельство, что правореализация есть практическая деятельность по осуществлению субъективных прав и исполнению юридических обязанностей (Kuznetsov & Samoshchenko, 1985:11). Правореализация рассматривалась в контексте проблемы ее осуществления в рамках правоотношений. Правоотношение при этом трактовалось либо как средство (способ) реализации юридической нормы (Sheindlin, 1960:131), либо как стадия ее реализации (Stalgevich, 1957:24), либо как результат ее реализации (Khalфина, 1974:51).

Именно такой подход, как отмечал П.М. Рабинович, позволяет повысить эффективность правового регулирования общественных отношений (Rabinovich, 1983:7). Реализация правовых норм, по мнению А.С. Пиголкина, выступает таким поведением субъектов права, которое согласуется с предписаниями правовых норм и представляет собой практическую деятельность по осуществлению субъективных прав и исполнению юридических обязанностей (Kuznetsov & Samoshchenko, 1985:11). В.В. Лазарев, подразделяя поведение людей на правомерное, неправомерное и юридически безразличное, также трактует правореализацию в русле именно правомерного поведения (Lazarev, 1972:9).

При таком подходе истинное право может содержаться только в нормах права, точнее в действующем законодательстве, а реализация права предстает в качестве сущего, в отличие от законодательства, которое представляет собой должное. Указанная дихотомия фактически является продолжением чистой теории права Г. Кельзена (Kelzen, 2015:107-241).

Существует, однако, предложение трактовать реализацию права в более широком содержательном ключе — как воплощение в регулируемых правом общественных отношениях всего того, что заложено в нормах права (Fatkullin, F.N. & Fatkullin, F.F., 2000:271). Такого рода подход к содержанию правореализации предлагался и в советский (Bratus & Samoshchenko (eds.), 1966:240), и позднее в постсоветский период развития науки (Khabibullin, Malikov & Rakhimov, 1998:110). Сказанное аргументируется тем, что общественное отношение — понятие более широкое, чем только правомерная деятельность субъектов права, так как юридические нормы включают не только непосредственно правила поведения, но и указания на юридические факты, субъектный состав (в гипотезах норм), на социальную цель (в диспозициях норм). Такого рода составляющие юридической нормы реализуются не в правомерном поведении, а по существу характеризуют качества правоотношений, в которых протекает реализация права. Кроме того, резюмируется, что общественные отношения существуют как в идеальной, так и в материальной форме. Реализация права при этом должна затрагивать не только вторую, но и первую (Fatkullin, F.N. & Fatkullin, F.F., 2000:271). Следует согласиться с тем, что рассмотрение правореализации исключительно через правомерное поведение, несмотря на распространенность такой научной позиции, оставляет за бортом исследования массу явлений, которые предшествуют, детерминируют, сопровождают правореализацию.

В научной литературе последних десятилетий проблематика непосредственно правореализации как комплексного явления обозначается не часто. Большинство исследований в этой сфере посвящены применению права (Gainiev, 2020; Pysina, 2021). Исключением является глубокая разработка теории правореализации в казанской школе теории права (Reshetov, 2013; Soldatova & Soldatov, 2015; Shagieva, 2014). Правореализация здесь рассматривается в контексте динамической составляющей права (Pogodin, 2014).

Несмотря на господство нормативизма, в отечественной юриспруденции предпринимались и иные подходы к исследованию правореализации, хотя и очень малочисленные. Так, А.Б. Венгеровым была предпринята попытка уточнить содержание правореализации в рамках синергетического видения права как

некоего способа осуществления предписаний, с указанием на социальные, психологические, организационные процессы, сопровождающие реализацию (Vengerov, 2004:497). Оригинальный подход к исследованию реализации права был предложен в рамках феноменолого-коммуникативной парадигмы в контексте механизма его действия, который включает процессы социально-правовой коммуникации, связанной с трактовкой субъектами первичных и вторичных правовых текстов (Polyakov & Timoshina, 2017:261).

Кроме того, можно отметить попытку постклассического осмысления правореализации, предпринятую авторами данной статьи (Krasnov & Vasiliev, 2016:168—172; Skorobogatov, 2021:474—478). Изучение правовой природы этого явления в контексте развития и функционирования правовой реальности позволило сделать предварительный вывод, что правореализация представляет собой воплощение правовых регуляторов (формальных и неформальных) в правомерное поведение с учетом выбора субъекта между ними, детерминированное ценностными ориентациями правосознания.

В зарубежной литературе проблема правореализации (реализации права) также неоднократно привлекала внимание в контексте иных философско-правовых проблем. В частности, Н. Неновски при исследовании ценностных проблем права акцентировал внимание на зависимость реализации права от ряда социокультурных факторов: уровня развития социума в целом, положения человека в социуме, шкалы ценностей данного социума (Nenovsky, 1987: 54—58).

Большое внимание этому вопросу уделил Дж. Ллойд. Хотя он исследовал проблему «осуществления права», в его интерпретации эта категория по своему смыслу очень близка к понятию «реализация права». «Осуществление права» он рассматривает как перевод идеи права в объективированное состояние, ее опредмечивание (овеществление), трансформацию ее идеального состояния в правовую реальность, т.е. превращение права из потенциального идеального состояния в действительное бытие (Lloyd, 2009:211—219). Фактически речь идет о реализации нормы права в юридической практике как основе правоотношений.

Большое внимание проблеме правореализации уделено в контексте реализации принципа верховенства права, которому в зарубежной науке посвящено большое количество работ (Flores & Himma (eds.), 2013; Ruiz Mañero, 2019; Tamanaha, 2004). Основное внимание обращается на понятие стандартов права, содержательное измерение верховенства права, его смысл, ценность, соотношение этого принципа со стандартами прав человека, с другими принципами права не только в нормативном массиве, но и в юридической практике, что напрямую связано с правоприменением как одной из форм правореализации.

Трактовки правореализации в субъективном контексте в основном посвящены реализации (осуществлению, обеспечению) прав человека, которые рассматриваются как высшая ценность современного демократического общества. Проблема реализации прав человека отнесена в настоящее время к особенно важным правовым проблемам, поскольку реализация права — это проблема утверждения основ жизни, осуществления прав человека, которые являются наивысшей ценностью (Alexu, 2021:64—65). Отмечая антропологическое изменение реализации права, философы права обращают внимание на духовно-

культурное измерение человеческого бытия, взаимосвязь между уровнем развития человека и реализацией права (Naberhas, 2003: 29—30). Важнейшим направлением обеспечения права является защита прав человека. В отличие от деятельности других субъектов в этой сфере только государственная защита может носить юрисдикционный характер (Nickel, 2015:20; Sandel, 1998:185).

Приведенный обзор литературы показывает, что проблема правореализации преимущественно изучалась юридически. Лишь в последние годы были предприняты попытки рассмотреть ее связь с ментальными аспектами субъектов права и социокультурными особенностями развития общества. Это ставит на повестку дня необходимость комплексного исследования правореализации как важнейшего элемента правовой реальности. Исходя из постклассического характера современной науки, признающей необходимость сочетания методологий с целью формирования нового синтетического знания на метауровне, правореализация должна быть исследована отнюдь не только исходя из позитивистской схемы «от законодательства к правомерному поведению», что отражает лишь один из онтологических пластов проблемы, но и с иных мировоззренческих позиций. Для этого наиболее эффективной представляется интегративная методология (В.В. Ершов (Ershov, 2020a:99—144), В. Кравиц (Krawietz, 2008:181—206)), которая позволяет изучить данное явление междисциплинарно, с учетом взаимосвязи объективных и субъективных проявлений правовой реальности. Интегративная методология обусловила использование системного, коммуникативного, феноменологического и аксиологического подходов, дающих возможность проанализировать правореализацию во всех ее проявлениях.

Онтологический аспект правореализации

Правореализация как относительно самостоятельное социальное явление тесно связана с категорией «правовая реальность», имеющей фундаментальное значение не только для юридической науки, но и всей системы гуманитарного знания. Правовая реальность рассматривается авторами данной статьи как сложноорганизованная многоуровневая система, включающая в себя совокупность объективных и субъективных правовых явлений, развивающихся и функционирующих в определенном пространственно-временном континууме. В структуре правовой реальности можно выделить три онтологических уровня: (1) уровень правотворчества, представляющий собой совокупность действий уполномоченных государством субъектов по формированию юридических норм и систему законодательства, созданную в результате этой деятельности; (2) уровень правореализации, т.е. совокупность действий субъектов права по реализации юридических норм, в том числе правоприменение, и комплекс правоприменительных и правореализационных документов, как результат этой деятельности; (3) уровень правового поведения, рассматриваемый нами как совокупность действий субъектов, основанных на социальном и индивидуальном праве. В отличие от константности первых двух уровней последний возникает лишь в транзитивном обществе в силу существования недостаточно эффективного законодательства и широкого распространения социально-правовой аномии (Skorobogatov &

Krasnov, 2017: 54—58). Специфика правовой реальности заключается в актуализации всех сторон реальности правовых феноменов: рациональных и иррациональных, субстанциальных и когнитивных, статических и динамических; правовая реальность активно конструируется субъектами, отражая столкновение дискурсов по поводу правовых феноменов, их формированию и существованию во времени.

Правовую реальность следует отличать от правовой действительности. Последняя, как правило, исследуется в рамках дихотомии с возможностью; правовая действительность рассматривается как воплощение социальной воли, что, на наш взгляд, серьезно ограничивает предметное поле исследования: воля может проявляться в совершенно разных формах и у разных субъектов; кроме воли, в формировании и развитии правовых феноменов участвуют иррациональные, архетипические явления правосознания, сложившиеся практики правового поведения, правовой коммуникации, которые находятся в иной предметной плоскости, нежели чем воля; связанные с ними правовой опыт и правовые традиции также формируют правовую реальность. Действительность права также связывается, как правило, с его действием и действенностью, что может быть исследовано лишь в контексте позитивного права как официального текста, оформляемого и вводимого в действие в особом порядке и поддерживаемого принудительной силой государства. Однако при этом вне исследовательского внимания остаются субъективные и интерсубъективные, иррациональные стороны правовых феноменов, а также процессы их конструирования, что также говорит о принципиально ином содержании категории правовой реальности, предлагаемой нами.

Онтологически правореализация выступает формой юридического воздействия позитивного права (законодательства — системы правил поведения, сконструированных и (или) санкционированных государством, обеспеченных его принудительной силой и составляющих онтологическую основу правотворческого уровня правовой реальности) на сознание и поведение человека (Palekha, 2021:216). Благодаря правореализации обеспечивается доминирование организованности над хаотическими изменениями, хотя ценностное отношение к детерминации статичного или динамичного фактора определяется не только государством, но и особенностями правовой культуры. Так, в странах континентальной Европы основное внимание уделяется материальным аспектам реализации юридических норм, в то время как для англо-американского типа правового регулирования характерен приоритет процессуальных правил. Однако независимо от детерминации материальных и процессуальных правил в национальной правовой реальности, именно в процессе правореализации происходит юридикация действий индивида и его трансформация из социального субъекта в субъекта права (Supiot, 2007:75—77).

Хотя правореализация заключается, прежде всего, в правомерной деятельности, тем не менее, связь с противоправными деяниями прослеживается достаточно четко. Ведь сам факт противоправного поведения влечет за собой реализацию норм охранительного порядка, а также комплекса норм процедурного и процессуального характера.

Ключевым вопросом онтологии правореализации являются ее каналы, а именно является ли правоотношение единственным таким каналом (Leist, 1981:13—14) или же правореализация возможна и вне правоотношений. В литературе можно встретить неоднозначные подходы к решению данного вопроса. Так, отмечалось, что каналом реализации может служить морально-политическое воздействие на сознание людей (Bratus & Samoshchenko (eds.), 1966:254). Кроме того, правореализация вне правоотношений возможна в том случае, когда осуществляются общерегулятивные, абсолютные субъективные права и обязанности, правовые запреты и правовой статус (Petrov & Yavich, 1974:303—304; Matuzov, 1976:69—99). Саморегуляция, которая касается правовых деяний правомерного порядка, когда речь идет о реализации некоторых конституционных прав и свобод, при этом, таким образом, не требует возникновения правоотношений (Lazarev, 1972:10). Тем не менее, в качестве выхода из такой ситуации можно рассматривать вариант с конструированием общерегулятивных и общеохранительных правоотношений (Bratko, 1979:50; Rybushkin, 1990:61), которые прочно вошли в оборот отечественной правовой науки.

Возникают и вопросы о том, происходит ли правореализация в том случае, когда лицо не реализует свое субъективное право. По-видимому, в этом случае мы имеем дело с поведением, которое по внешним признакам является юридически безразличным. Правовая оценка деяния при этом не дается. Следует согласиться с тем, что право на неиспользование права — конструкция излишняя (Reshetov, 1989:9), так как посредством нее абсолютизируется регулятивная роль права, которое вмешивается во все процессы человеческого существования.

Также в научных трудах ставится вопрос о том, происходит ли реализация норм права в том случае, если запрет (на примере уголовно-правового) соблюдается? На этот вопрос может быть дан как положительный (Khaikin, 1972:171), так и отрицательный (Reshetov, 1989:11) ответы. Однако, тем не менее, формирование мотивации, прагматические расчеты по поводу возможных издержек и последствий поведения в сознании человека присутствуют, что не может быть полностью отделено от понимания правореализации в феноменологическом плане.

Это ставит на повестку дня исследование вопроса о содержании категории правового взаимодействия и его соотношении с правоотношением. Правовое взаимодействие может рассматриваться как категория, достаточно близкая и почти не различимая с правоотношением, к примеру, с указанием на то, что это и есть правоотношение с реализацией разнонаправленных интересов (Reshetov, 1989:47) или просто интересов (Syrykh, 2014:125). С.Ю. Филиппова рассматривает правовое взаимодействие в контексте правового и социального конфликта (Filippova, 2013:163—165). В.Ю. Панченко определяет правовое взаимодействие как вид и форму социального взаимодействия, способ осуществления общественных связей через взаимный обмен субъектов юридически значимой деятельности и (или) ее результатами, посредством которого осуществляется взаимное влияние субъектов права на сознание и поведение (деятельность) друг друга, носящий информационный характер (Panchenko, 2015:40). Именно позиция последнего представляется авторам данной статьи наиболее адекватной при исследовании правореализации.

Отдельный вопрос — как происходит правореализация в том случае, если речь идет о защите законных интересов¹. Факт наличия материального правоотношения в этом случае устанавливается только судом ретроспективно, в решении, по итогам судебного разбирательства. К примеру, Конституционный Суд РФ указал на недопустимость ограничения законного интереса представителей средств массовой информации высказывать мнение по поводу возможного избрания кандидата на выборах, несмотря на запрет агитации².

С нашей точки зрения, следует иметь в виду, что правоотношение может рождаться не только на базе юридических норм, но также и правовых принципов, которые играют роль не только и не столько неких исходных идей, но и призваны выполнять прямую регулятивную роль в правовом регулировании (Ershov, 2020b:246). Очевидно, что правовой принцип не предполагает столь же четкой правовой определенности, как юридическая норма, и не дает прямого указания на соответствующие субъективные права и обязанности (Panchenko & Vlasenko, 2020:14—20). Тем не менее, в силу приоритета принципов как национального, так и международного права в правовом регулировании они должны реализовываться напрямую. По поводу прямого действия Конституции РФ³, включающей весомую долю правовых принципов, а также применения норм и принципов международного права, существуют соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ⁴. Вопрос же о том, в чем должно состоять содержание правоотношения в этом случае, остается открытым. Тем не менее, в такой ситуации правоприменитель в лице суда дает официальное легальное толкование соответствующим принципам права в системе с юридическими нормами (Wroblewski, 1992:11—19), которые развивают эти принципы, тем самым осуществляя индивидуальное судебное регулирование и вырабатывая представление о взаимных правах и обязанностях субъектов в содержании правоотношения. Большую роль при этом играет не только форма интерпретации, но и конструируемый при этом смысл (Hess, 2015:66). В то же время вполне возможно, что более приемлемым в данном случае будет использование категории правового взаимодействия.

Вышеизложенное позволяет рассмотреть правореализацию как сложно организованную социальную систему, сущностью которой является подчинение

¹ Ст. 2, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г. № 473-ФЗ) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 18 ноября 2002 г. № 46. Ст. 4532.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова // *Российская газета*. 31 октября 2003 г. Федеральный выпуск № 3335.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Официальный интернет-портал правовой информации*. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2022).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 1996. № 2. С. 1; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2003. № 12.

воли субъектов требованиям юридических норм в процессе их деятельности и общения в сферах, которые подлежат правовому воздействию. Правовое предписание является реализованным лишь при условии, что оно воплощено в действиях людей. Результатом этого является правомерный характер возникновения и реализации субъективных прав и юридических обязанностей, которые сопровождают процесс реализации сконструированного государством предписания и достижения цели правового регулирования (Babaev & Baitin (eds.), 1987:223—224).

Как система правореализация включает четыре элемента: «юридическая норма», «субъект права», «деятельность субъектов права относительно исполнения, использования, соблюдения, применения юридической нормы», «результат воплощения юридической нормы в жизнь». Без одного из этих элементов система не функционирует. Общим признаком форм проявления системы в действии — исполнения, использования, соблюдения, применения — является «материализация» закрепленных в юридической норме положений как в жизни конкретного лица, так и в функционировании публичной власти, ведь именно последней инициировался вопрос принятия или санкционирования нормы ради урегулирования определенных общественных отношений. В дальнейшем необходимость или желательность осуществления определенного поведения была подкреплена рядом мероприятий, в результате которых норма из абстракции превращается в такую, которая реально регулирует, охраняет и обеспечивает общественные отношения.

Благодаря реализации юридическая норма «объективируется». После формулировки и закрепления нормы в конкретном нормативном правовом акте, благодаря фактическому поведению субъектов права относительно использования, исполнения, соблюдения или применения ее положений, происходит ее «переход» от абстракции к материализации, которая характеризует связь первого компонента системы правореализации (юридической нормы) со вторым (субъектом права).

При этом без субъектов, которые будут воплощать юридическую норму в жизнь, система правореализации также не будет функционировать. Несмотря на разнообразие юридических норм, их общей целью является урегулирование деятельности субъектов (Tamanaha, 2006:170—171). В этом проявляется связь первого и второго элемента системы с третьим (деятельностью субъекта права). Юридической нормой устанавливается определенное положение, которое может иметь как императивную, так и диспозитивную направленность. Если диспозиция нормы сформулирована императивно, формой деятельности субъекта правореализации (адресата нормы) является преимущественно активное действие в форме исполнения или пассивное действие в форме соблюдения. Как правило, стимулирование реализации такой нормы происходит путем установления негативной санкции. Если положение нормы относительно их реализации сформулировано диспозитивно, преимущественно будет иметь место использование, а также исполнение установленных сторонами обязанностей, которые всегда предусматривают активное поведение.

Деятельность субъектов права относительно реализации соответствующей юридической нормы может проявляться в активных действиях или бездействии, но в целом проявлением такой деятельности будет одна из форм правореализации: исполнение положений нормы; использование предоставленных нормой возможностей (прав); соблюдение предписаний юридических норм (запретов); применение положений норм. Указанные формы реализации представляют определенные подсистемы связанных между собой отношений. Но деятельность субъекта права не осуществляется, как правило, ради самого факта деятельности, она направлена на получение определенного конкретного результата, который характеризует связь трех первых элементов системы с последним (результат воплощения юридической нормы в жизнь).

Налицо вертикальная модель правовой коммуникации: юридическая норма выступает правовой информацией, которую конструирует адресант в процессе правотворчества и транслирует ее адресату (субъекту права) с целью сконструировать ценностные ориентации субъекта на исполнение, использование, соблюдение или применение юридических норм, что должно гарантировать субъекту не только правомерное поведение, но и обеспечить его идентификацию с обществом. Критерием такой идентификации на практике должна стать деятельность субъекта по исполнению положений нормы; использованию предоставленных нормой возможностей (прав); соблюдению предписаний юридической нормы или применению ее положений. Результатом этой деятельности (при условии вовлечения в нее максимально возможного числа адресатов) и будет являться объективация сконструированной адресантом модели правовой реальности. При этом чем модель будет более легитимной, тем больше будет взаимосвязь между правотворческим и правореализационным уровнями правовой реальности, с одной стороны, и правоповеденческим уровнем — с другой.

Исходя из места правореализации в структуре правовой реальности, можно выделить следующие ее онтологические признаки: 1) правомерность деятельности субъекта (соответствие действий субъекта предписаниям юридических норм, поскольку неправомерные действия, совершение правонарушения не могут считаться правореализацией); 2) социальная полезность деятельности субъекта (в ее понимании адресантом) как цель правореализации (направленность действий субъекта на удовлетворение интересов человека, группы, общества); 3) процедурный характер деятельности субъекта (урегулированность процесса деятельности субъектов права юридическими нормами); 4) волевой характер деятельности субъекта (осознание субъектом как самих действий, так и их последствий; необходимость существования определенного баланса между субъективными интересами конкретного лица и юридическими нормами); 5) обеспеченность принудительной силой государства процесса и результата правореализации.

Феноменологический аспект правореализации

Как известно, суть феноменологической методологии во многом может быть сведена к исследованию феномена сознания человека, поскольку все действия последнего как в идеальном плане, в виде мыслительных конструкций, так

и в реальном отображении, как непосредственные деяния, в конечном счете могут интерпретироваться как продукт сознания. Поэтому исследование правореализации, с нашей точки зрения, не может ограничиваться лишь уровнем внешне выраженных актов-деяний. Конкретное правовое деяние человека есть результат понимания им соответствующей юридической ситуации, своей включенности в процесс правового регулирования, выбора вариантов поведения в конкретных условиях. В этом плане осуществляемый субъектом правовой акт — это в своем роде «вершина айсберга», которая лежит на поверхности, но порой не отражает всей сложности правореализации.

Правореализация — это, прежде всего, процесс воплощения в правовой реальности сконструированной правотворцем модели существования и функционирования тех или иных общественных отношений, закреплённого в юридической норме определенного желаемого адресантом правовой коммуникации сценария правовой деятельности субъектов права (адресатов правовой коммуникации), претворение в жизнь которого становится возможным в результате активных или пассивных, сознательных, добровольных действий адресата нормы, результатом которой является положительный для человека, общества и государства эффект. Объективацией этого процесса является совокупность индивидуальных правовых актов, конструируемых субъектами права при трансформации юридических норм в практические действия. Особое место при этом будут занимать судебные постановления, которые в конечном итоге могут обретать нормативный характер, распространяясь на все возможные случаи правореализации в будущем. В частности, именно таким характером обладают постановления Конституционного Суда РФ (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») ⁵. Участвуя в правореализации, указанный орган одновременно по факту выявляет тот вариант понимания юридической нормы, который впоследствии служит обязательным ориентиром для всех адресатов. При этом, к примеру, может корректироваться сложившееся судебное толкование, которое становится препятствием для реализации права на компенсацию по итогам нарушения разумных сроков судопроизводства ⁶.

Правореализация, как деятельность, по нашему мнению, не может трактоваться исключительно в позитивистском духе как акты внешнего поведения человека. Позволим себе не согласиться с формулировкой, согласно которой правовая деятельность осуществляется субъектами только как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в целях удовлетворения интересов, что признается обществом справедливым и дает возможность принять решение

⁵ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 января 2022 г. № 2-П по делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А.Филиппова // Российская газета — Федеральный выпуск № 15 (8663). 25 января 2022 г.

и вызвать юридически значимые последствия (Shagieva, 2008:15). Любой акт поведения, с точки зрения феноменологической методологии, есть изначально определенная мыслительная модель его действий, которая обусловлена массой факторов. В связи с этим правовая деятельность может предшествовать ситуации, в которой субъект предстает уже как носитель прав и обязанностей (то есть осуществляется до правоотношения). Кроме того, юридически значимые последствия могут и не наступить — в том случае, если в ходе правореализации субъект отказывается от ранее намеченного плана действий и, к примеру, выбирает путь по реализации неправовых средств удовлетворения своих интересов. Причем у нас нет оснований не считать такое взаимодействие правовым, поскольку оно хотя бы частично было или детерминировано именно правовым регулированием, или на начальных этапах имело правовую форму, потеряв ее впоследствии.

Подчеркнем, что решение вопроса о том, насколько правореализацию можно рассматривать в качестве правового явления, зависит от положенной в основу исследования концепции правопонимания. Как мы отметили выше, нормативистский контекст в исследовании не дает возможности выйти за устоявшуюся схему правоотношения и, в том числе, реализации субъективных прав с юридическими обязанностями. Интегративное же понимание права способно преодолеть узконормативистские трактовки. Особенно это проявляется в проблеме так называемого социального, неформального, неписаного права (Bocharov, 2012:32), которое в ряде концепций рассматривается в качестве неправа, как социальные, неправовые нормы (Ershov, 2013:24). Тем не менее, авторитетность и применимость такого рода норм может превосходить соответствующие показатели в отношении норм права. В определенных субкультурах обращение к таким нормам настолько очевидно, что не замечать этого невозможно. Однако для России понятие правореализации связано, прежде всего, с осуществлением норм именно позитивного права. Реализация же социального права характерна для правоповеденческого уровня правовой реальности.

Кроме того, существует несколько срезов правовой реальности, которые напрямую связаны с содержанием правоотношения и правореализацией. Они могут быть отнесены, с нашей точки зрения, к категории правового взаимодействия. В первую очередь, имеется ввиду уровень архетипических представлений о праве и его содержании. У всех членов общества, прошедших процесс социализации, так или иначе присутствуют передаваемые из поколения в поколение представления о праве, возможных путях вступления в правоотношения, о своих ролях в них и т.д. Например, неверие в эффективность правоохранительных органов решить ту или иную проблему может носить столь сильный архетипический характер, что способно побудить субъектов уклоняться от вступления в правоотношение, занимаясь поиском решения возникшей проблемы в неправовой сфере. В свою очередь, такое положение вещей может повлечь за собой негативные для общества последствия, а именно рост преступности, что было особенно характерно для 90-х годов прошлого века. То есть неправовая в сущности модель решения юридического конфликта может привести ко вполне осязаемым негативным правовым последствиям.

Архетипический сегмент в правореализации также может носить иррациональное наполнение: дело в том, что конкретная правовая ситуация всегда носит

черты индивидуального, неповторимого характера. В правовой ситуации одним из сложнейших является вопрос о мотивации к тому или иному поведению. Мотивация может быть чисто правовой, когда речь идет об осмыслении норм права и взаимных ожиданиях, которые возникают у сторон правового взаимодействия. Но она также может быть и неправовой, порой эмоциональной, сиюминутной, ситуативной, обусловленной конкретными обстоятельствами, в которых очутились субъекты именно в данный момент. Здесь тоже может получиться таким образом, что неправовые обстоятельства влекут за собой вполне правовые последствия. При этом, что опасно, вполне допустимы негативные результаты мотивационного выбора. Такого рода действия и события особенно ярко могут проявиться при совершении преступлений, при возможной опасности задержания, если появились свидетели, способные опознать преступника, утеряны пути отхода и пр.

Особый сегмент содержания правореализации могут составлять также и некие рациональные расчеты субъектов. Субъект выбирает наиболее оптимальные способы удовлетворения своих интересов, просчитывая материальные, организационные, моральные и прочие издержки, и по результатам такого исследования принимает решение о целесообразности или нецелесообразности вступления в правоотношение. Более того, известно, что в определенных случаях выбор может быть сделан в пользу неправовых и даже противоправных путей и средств удовлетворения собственных интересов.

Исходя из специфики рефлексии правореализации в сознании человека, феноменологически эта правовая категория обладает рядом черт: (1) нормативность, связанная с тем, что правореализация основана на воплощении в жизнь субъектом установленных законодателем юридических норм в предписанной форме; (2) психологичность, обусловленная сознательной деятельностью субъекта правореализации, включающей волевой и интеллектуальный аспекты; (3) идеологичность, определяющая действия субъекта правореализации в процессе осуществления норм по претворению в жизнь социально-полезных и (или) допустимых целей, предусмотренных законодателем при формировании нормы; (4) аксиологичность, вытекающая из ценностного понимания юридической нормы и определяющая, что действия субъекта в процессе правореализации зависят от степени восприятия нормы в качестве инструмента создания и поддержания правопорядка и режима законности, обеспечения безопасности граждан, гаранта прав и свобод человека; (5) динамичность, выражающаяся в том, что деятельность субъекта в процессе правореализации является не одномоментным актом, а постоянными (регулярными) действиями, направленными на воплощение в жизнь предписаний законодательства и (или) иных систем правил поведения в целях поддержания правопорядка и бесконфликтного сосуществования в социальной группе (обществе) и способными к трансформации в соответствии с изменениями общественных отношений.

Аксиологический аспект правореализации

Хотя роль правовых ценностей в правовом воздействии определяется формально (благодаря их вербализации в позитивном праве), соответствие позитивной системы ценностей, сформированных в правотворчестве и обыденных

ценностей, характерных для правового поведения, их взаимодействие в процессе правореализации может обеспечить легитимацию законодательства и повышение эффективности общего правового регулирования. При этом степень гармонизации правовой реальности прямо пропорционально опосредована уровнем демократичности общества и государства (Sandro, 2021:50—54), что в свою очередь определяет характер правовой коммуникации. Чем выше степень демократичности, тем больше процент горизонтальной правовой коммуникации, тем значительнее воздействие неформальных норм и ценностей на законодательство. Это не только повышает легитимность и эффективность позитивного права, но и свидетельствует о том, что правореализация одновременно выступает как реализация норм позитивного права и конвенциональный результат горизонтальной правовой коммуникации, при которой субъект права одновременно выступает как адресат и адресант. Речь идет не только о возможности индивида участвовать в процессе правотворчества в форме референдума или онлайн обсуждения законопроектов, но и в совершении правовых действий, основанных на ценностных ориентациях неофициального характера, но в силу их соответствия юридическим нормам, выступающих как юридические факты. Однако для того чтобы действия человека являлись правомерными в понимании государства и были признаны правореализацией, они должны соответствовать ценностным ориентациям, заложенным в законодательстве, и не выходить за пределы сконструированного государством правового массива (Schauer, 2015:98—100).

Аксиологически правореализация представляет собой движение правовых ценностей от их ментального осознания к воплощению в тех возможных моделях правовых взаимодействий, которые конструируются субъектами и затем, пусть и частично, отражаются непосредственно в правовых отношениях. Большую роль при этом играют особенности языкового выражения правовых конструкций, определяющие ценностное содержание коммуникативных актов (Wagner, Werner & Cao, 2007:65—82).

В процессе правообразования государство не только аккумулирует обще-социальные (моральные, этические, политические) нормативы (осуществляет правосанкционирование), но и конструирует новые правовые ценности, воздействуя на сознание и поведение людей, «навязывая» им определенные образцы поведения, которые, по мнению референтных групп, в наибольшей степени позволяют реализовать государственные и общесоциальные интересы (осуществляет правотворчество). Весьма ярким примером могут служить изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ, касающиеся ответственности за оскорбление чувств верующих⁷. Тем самым государство получает возможность не только устанавливать правовые ориентиры, но и сконструировать субъекта права, уровень правосознания которого определяется именно отношением к позитивному праву и наличием ценностных ориентаций на совершение действий, обусловленных законодательством (Hertogh, 2018:8). В процессе правореализации такой индивид не только осуществляет правовые действия, детерминированные

⁷ Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1 июля 2013 г. № 26. Ст. 3209.

юридическими нормами, но и обеспечивает поддержание правопорядка как основы режима законности (Aarnio, 2011:57). В зависимости от правового статуса индивида эти действия могут выступать не только правоприменением (при котором существует не только возможность, но и обязанность осуществлять принуждение по отношению как к себе, так и к иным субъектам права), но и соблюдением, исполнением и использованием, не предполагающим внешнего принуждения.

Ценностные ориентации субъектов определяют выбор модели правомерного (законопослушного) поведения. Зачастую индивид разграничивает эти понятия. Законопослушное поведение рассматривается в контексте следования норме официального права, а правомерное трактуется с более широких позиций (реализация не только юридических норм, но и неформальных правил). Это не только позволяет рассматривать поведенческие акты на различных уровнях правовой реальности, но и учитывать при этом как онтологические аспекты, так и аксиологические. При выборе модели поведения важное значение имеет мотивация и целеполагание, включая решение вопроса о целесообразности тех или иных действий не только в юридическом контексте, но и с позиций экономических, организационных и прочих затрат и их обусловленности индивидуальными и социальными потребностями. В случае соответствия правилам неофициального (социального) права и противоречия юридическим нормам действия субъекта можно отнести к уровню правового поведения.

Усиление социального аспекта в развитии правовой реальности в современном мире делает невозможной или существенно затрудненной правореализацию в случае отсутствия легитимации юридической нормы, положенной в основу поведенческого акта субъекта. Однако в данном случае речь идет не только о социальном признании юридической нормы, но и о формировании на ее основе ценностной установки субъекта на совершение определенных действий, детерминированных этой нормой (Moscovici, 1984:60), что, в свою очередь, определяет эффективность механизма правового регулирования (Sidorov & Chestnov, 2014:139, 145). Именно благодаря легитимации как вертикальная, так и горизонтальная правовая коммуникация субъектов имеет правомерный характер (Polyakov, 2008:9—42).

Обусловленная легитимной юридической нормой (правовым принципом) модель поведения корректируется субъектом на основе обусловленной индивидуальным и социальным правовым опытом персонализации (Alexu, 1995:58). Благодаря этому, правомерное (законопослушное) поведение человека (сообщества), с одной стороны, объективно является актом правореализации, а с другой стороны, субъективно отражает легальное удовлетворение потребностей. Благодаря этому не только достигается объективация правовых ценностей в деятельности субъекта, но и обеспечивается определенность правовой реализации в том виде, как это было сконструировано в нормативной модели (Ávila, 2016:57).

Государство как социальная система может полноценно функционировать при наличии не только юридических, но и социальных факторов. Правотворчество, будучи предопределено разнообразностью интересов и потребностей участников правовой коммуникации, необходимостью их урегулирования (при вертикальной коммуникации) и согласования (в случае горизонтальной коммуникации), нормативно определяет цель, структуру и порядок функционирования

общества, но только в процессе правореализации эти конструкты трансформируются в социальную действительность (Sadurski, 2009:129). При этом позитивное право может конструировать не только позитивные блага, но и негативные, связанные с ограничением или запретом на совершение действий, которые могут препятствовать осуществлению нормативно закрепленных правил и (или) принципов в жизнь (Günther, 1993:45—47). Однако соблюдение правовых запретов опосредовано не только государственным принуждением, но и социальными установками на отказ от осуществления запрещенных действий, который воспринимается в качестве необходимого условия совершения правомерных действий. Фактически государство, устанавливая запреты, выступает в качестве ценностной системы противодействия социальному злу. Однако осознание этого факта в общественной среде зависит не только от уровня правовой культуры, но и от степени демократичности государства, учета им не только узкогрупповых интересов политической элиты, но и широких социальных потребностей (Barzilai, 2006:95). В последнем случае создаваемый государством механизм правового регулирования фактически тождественен механизму правового воздействия, поскольку ориентирован не только на поведение, но и сознание субъектов правоотношений.

Направленность правореализации на формирование и поддержание субъектами права правопорядка и режима законности, предусмотренных законодательством, позволяет рассматривать это явление не только в качестве посредника между правотворчеством и правовым поведением, но и как ценностное средство гармонизации правовой реальности в целом (Titova, 2015:72—76). Благодаря правореализации закрепленные в законодательстве формальные правила трансформируются в субъективное право, юридическую свободу, юридическую обязанность или юридическое полномочие конкретного субъекта права (как индивидуального, так и коллективного). При этом происходит взаимодействие государственной воли, закрепленной в законодательстве, и индивидуальной воли отдельных субъектов правоотношений. Несмотря на то, что государство в данном случае выступает адресантом правовой коммуникации, достижение правомерного поведения и правопорядка возможны лишь в том случае, если действия отдельных адресатов коррелируют между собой. Это опосредует легитимность правового регулирования, которая может при этом рассматриваться конвенционально.

Благодаря правореализации, государство не только создает ценностные основы правопорядка и режима законности, но и обеспечивает национальную идентификацию граждан (Foster & Herring, 2017:19). Реализация сконструированной в законодательстве модели поведения обеспечивает включенность индивида в общество на легальных основаниях. Несмотря на то, что человек при этом выступает лишь адресантом коммуникации, его действия являются необходимым условием поддержания существования и функционирования сообщества граждан. Ценностные установки, сформированные в сознании индивида в процессе вторичной правовой социализации, позволяют человеку интерпретировать юридические нормы в социальном контексте и адаптироваться в качестве равноправного члена сообщества.

Исходя из роли ценностей в сознании и поведении человека, аксиологически правореализация обладает рядом черт: (1) является средством удовлетворения интересов человека, социальной группы, общества и государства; (2) обеспечивает ценностную легитимацию правотворчества в его процессуальном и материальном понимании; (3) обеспечивает целенаправленность и эффективность правового воздействия на сознание и поведение человека; (4) является средством гармонизации правотворческого и правоповеденческого уровня правовой реальности.

Выводы

Таким образом, правореализация может быть определена как комплексная философско-правовая категория, включающая в себя ментальный и деятельностный компоненты. К первому следует отнести постижение содержания правовых норм разного уровня и качества, практики их осуществления, выбор возможных вариантов правового и (или) неправового поведения, обусловленный рациональными и иррациональными факторами, ценностными предпочтениями субъектов. Второй же заключается в деяниях правового характера, которые согласуются с требованиями норм позитивного права.

Процесс правореализации направлен на трансформацию субъектом права закрепленных в законодательстве формальных (абстрактных, общих) правил в конкретные правовые действия. При этом предусматривается, что индивид (сообщество) осуществляет позитивную деятельность, направленную на достижение результатов, предусмотренных как юридическими нормами, так и ценностными установками правосознания.

Правореализация как комплексная категория может быть рассмотрена в онтологическом, феноменологическом и аксиологическом аспектах. Онтологически правореализация выступает определяющим средством юридического воздействия позитивного права на сознание и поведение человека. Феноменологически ее можно рассматривать в качестве самостоятельного уровня правовой реальности, представляющего собой систему действий субъектов права, направленных на воплощение в жизнь государственных предписаний, объективированных в совокупности индивидуальных правовых актов. Аксиологически правореализация — это движение правовых ценностей от их ментального осознания к воплощению в тех возможных моделях правовых взаимодействий, которые конструируются субъектами и затем, пусть и частично, отражаются непосредственно в правовых отношениях.

References / Список литературы

- Aarnio, Au. (2011) *Essays on the doctrinal Study of Law*. Dordrecht, Springer. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-94-007-1655-1.pdf>
- Alexy, R. (1995) *Recht, Vernunft, Diskurs: Studien zur Rechtsphilosophie*. Frankfurt am Main Suhrkamp, Suhrkamp.
- Alexy, R. (2021) *Law's Ideal Dimension*. Oxford, Oxford University Press.
- Ávila, Hu. (2016) *Certainty in Law*. Cham, Springer.

- Babaev, V.K. & Baitin, M.I. (eds.) (1987) *Soviet legal norms. Problems of the theory*. Saratov, Saratov University Press. (in Russian).
Бабаев В.К., Байтин М.И., Баранов В.М., Вопленко Н.Н. и др. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 248 с.
- Barzilai, G. (2006) *Communities and Law: Politics and cultures of legal identities*. Ann Arbor, The University of Michigan Press.
- Bocharov, V.V. (2012) *The Unwritten Law: An Anthropology of Law. Scientific research: textbook*. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publishing House. (in Russian).
Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: учеб. пособие. СПб.: ПХГА, 2012. 386 с.
- Bratko, A.G. (1979) *Prohibitions in Soviet law*. Saratov, Saratov University Press. (in Russian).
Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 92 с.
- Bratus, S.N. & Samoshchenko, I.S. (eds.) (1966) *General theory of Soviet law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Общая теория советского права / под ред. С.Н. Братусь, И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1966. 491 с.
- Ershov, V.V. (2013) Law and “not Law”: Debating points of theory and practice. *Russian Justice*. 1 (81), 24—31. (in Russian).
Ершов В.В. Право и неправое: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. № 1(81). С. 24—31.
- Ershov, V.V. (2020a) Law in the Context of the Metamodern Paradigm. *Justice*. 1 (2), 99—114. <https://doi.org/10.37399/issn2686-9241.2020.1.99-114>
- Ershov, V.V. (2020d) *Regulation of legal relations*. Moscow, Russian State University of Justice. (in Russian).
Ершов В.В. Регулирование правоотношений. М.: РГУП, 2020. 564 с.
- Ershov, V.V. (2021) Legal understanding, law making and law implementation. *Justice*. 3 (1), 14—30. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2021.1.14-30>
- Evssegneev, V.A. (2018) Realization of norms of land law and problems of ensuring their effectiveness. *Agrarian and land law*. 3 (159), 43—54. (in Russian).
Евсегнеев В.А. Реализация норм земельного права и проблемы обеспечения их эффективности // Аграрное и земельное право. 2018. № 3(159). С. 43—54.
- Fatkullin, F.N. & Fatkullin, F.F. (2000) *Problems of the theory of state and law*. Kazan, Spektr Publ. (in Russian).
Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права. Казань: Спектр, 2000. 331 с.
- Filippova, S.Yu. (2013) *Instrumental approach in the science of private law*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. 350 с.
- Flores, I.B. & Himma, K.E. (eds.). (2013) *Law, Liberty, and the Rule of Law*. Dordrecht, Springer.
- Foster, Ch. & Herring, J. (2017) *Identity, Personhood and the Law*. Springer, Cham.
- Friedman, L.M. (2016) *Impact: How Law Affects Behavior*. Cambridge, Harvard University Press.
- Gainiev, L.S. (2020) *Justice is the system of application of law*. Saint Petersburg, Aletheia; Independent Alliance Publ. (in Russian).
Гайниев Л.С. Правосудие — система применения права: монография. СПб.: Алетейя; Независимый альянс, 2020. 171 с.
- Günther, K. (1993) *The Sense of Appropriateness: Application Discourses in Morality and Law*. Albany, State University of New York Press.
- Habermas, Ju. (2003) *The Future of Human Nature*. Cambridge, Polity Press.
- Hertogh, M. (2018) *Nobody's Law: Legal Consciousness and Legal Alienation in Everyday Life*. London, Macmillan Publisher.

- Hess, L. (2015) The Meaning of Normativity of Meaning. In: Araszkievicz, M., Banaś, P., Gizbert-Studnicki, T. & Pleszka K. (eds.). *Problems of Normativity, Rules and Rule-Following*. Cham, Springer.
- Kelzen, G. (2015) *Pure doctrine of law, justice and natural law*. Saint Petersburg, Alef-Press Publ. (in Russian).
Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
- Khabibullin, A.G., Malikov, M.F. & Rakhimov, R.A. (1998) *Problems of the typology of statehood at the present stage*. Ufa, Sterlitamak, Bashkir State University. (in Russian).
Хабибуллин А.Г., Маликов М.Ф., Рахимов Р.А. Проблемы типологии государственности на современном этапе. Уфа; Стерлитамак, БашГУ, 1998. 118 с.
- Khaikin, Ya.Z. (1972) *Structure and interaction of moral and legal systems*. Moscow, Higher school Publ. (in Russian).
Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М.: Высш. шк., 1972. 280 с.
- Khalfina, R.O. (1974) *General doctrine of legal relationship*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 340 с.
- Krasnov, A.V. & Vasiliev, E.V. (2016) Realization of Law: Classical and Postclassical Aspects. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2, 168—172. (in Russian).
Краснов А.В., Васильев Э.В. Реализация права: классический и постклассический аспекты // Вестник экономики, права и социологии, 2016. № 2. С. 168—172.
- Krawietz, W. (2008) Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive. In: Brugger, W., Neumann, U. & Kirste, S. (eds.) *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert*. Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, pp. 181—206.
- Kuznetsov, I.N. & Samoshchenko, I.S. (eds.). (1985) *Law enforcement in the Soviet state*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Правоприменение в Советском государстве / Е.В. Болдырев, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, Л.Д. Воеводин и др.; отв. ред. И.Н. Кузнецов, И.С. Самошенко. М.: Юрид. лит., 1985. 304 с.
- Lazarev, V.V. (1972) *Application of the norms of Soviet law*. Kazan, Kazan State University Press. (in Russian).
Лазарев В.В. Применение норм советского права. Казань: КГУ, 1972. 200 с.
- Leist, O.E. (1981) *Sanctions and liability under Soviet law. Theoretical problems*. Moscow, Moscow University Press. (in Russian).
Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 240 с.
- Lloyd, D. (2009) *The idea of law*. 5th ed. Moscow, Knigodel Publ. (in Russian).
Ллойд Д. Идея права. 5-е изд. М.: Книгодел, 2009. 376 с.
- Maksimov, G.B. (2014) Forms of implementation of law. *Law and practice*. 2, 75—81. (in Russian).
Максимов Г.Б. Формы реализации права // Право и практика. 2014. № 2. С. 75—81.
- Matuzov, N.I. (1976) General legal relations as a kind of socialist legal relations. *Questions of the theory of state and law. Interuniversity scientific collection*. Iss. 4. Saratov, Saratov University Press, pp. 69—99. (in Russian).
Матузов Н.И. Общие правоотношения как разновидность социалистических правовых отношений // Вопросы теории государства и права. Межвузовский научный сборник. Вып. 4. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976. С. 69—99.
- Moscovici, S. (1984) The phenomenon of social representations. In: Farr, M. & Moscovici, S. (eds.). *Social representations*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 3—69.
- Nenovsky, N. (1987) *Law and values*. Zor'kin V.D. (ed.). Moscow, Progress Publ. (in Russian).
Неновски Н. Право и ценности; под ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.
- Nickel, J.W. (2015) *Making sense of human rights*. 2nd ed. Carlton, Blackwell.

- Palekha, R.R. (2021) To the question of the forms of legal influence. *Law and State: Theory and Practice*. 3 (195), 215—218. (in Russian).
Палеха Р.Р. К вопросу о формах правового воздействия // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 3 (195). С. 215—218.
- Panchenko, V.Yu. (2015) *Legal interaction as a type of social interaction: monograph*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: моногр. М.: Проспект, 2015. 232 с.
- Panchenko, V.Yu. & Vlasenko, V.N. (2020) Principles and norms of law as abstract and specific legal regulators. *Russian Justice*. (1), 14-20. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2020.1.14-20> (in Russian).
Панченко В.Ю., Власенко В.Н. Принципы и нормы права как абстрактные и конкретные правовые регуляторы // *Российское правосудие*. 2020. № 1. С. 14—20. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2020.1.14-20>
- Petrov, V.S. & Yavich, L.S. (eds.). (1974) *General Theory of State and Law: General Theory of Law*. Vol. 2. Leningrad, Leningrad University Press. (in Russian).
Общая теория государства и права: Общая теория права. Т. 2 / отв. ред. В.С. Петров, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 416 с.
- Pogodin, A.V. (2014) Social Content of Law and Law Realization. *History of State and Law*. 6, 6—9. (in Russian).
Погодин А.В. Социальное содержание права и правореализация // *История государства и права*. 2014. № 6. С. 6—9.
- Polyakov, A.V. (2008) Farewell to the classics, or how a communicative theory of law is possible. *Russian Yearbook of the Theory of Law*. Т. 1. Saint Petersburg, Legal book, pp. 9—42. (in Russian).
Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // *Российский ежегодник теории права*. Т. 1. СПб.: Юридическая книга, 2008. С. 9—42.
- Polyakov, A.V. & Timoshina, E.V. (2017) *General theory of law: textbook*. 3rd ed. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Press. (in Russian).
Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. 3-е изд. испр. и доп. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2017. 468 с.
- Pysina, G.A. (2021) *Law enforcement: collection of articles*. Moscow, Sputnik+ Publ. (in Russian).
Пысина Г.А. Правоприменение: сборник статей. М.: Спутник+, 2021. 324 с.
- Rabinovich, P.M. (1983) General theoretical issues of the implementation of Soviet law. *Bulletin of the Lvov University. A series of legal*. 22, 7—10. (in Russian).
Рабинович П.М. Общетеоретические вопросы реализации советского права // *Вестник Львовского ун-та, серия юрид.* 1983. Вып. 22. С. 7—10.
- Reshetov, Yu.S. (1989) *Implementation of the norms of Soviet law. System analysis*. Kazan, Kazan State University. (in Russian).
Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань: КГУ, 1989. 159 с.
- Reshetov, Yu.S. (2013) Characteristic features of the implementation of law. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 3, 152—158. (in Russian).
Решетов Ю.С. Характерные черты реализации права // *Вестник экономики, права и социологии*. 2013. № 3. С. 152—158.
- Ruiz Mañero, J. (coord.). (2018) *Imperio de la ley y ponderación de principios*. Buenos Aires, Astrea.
- Rybushkin, N.N. (1990) *Prohibiting norms in Soviet law: monograph*. Kazan, Kazan State University Press. (in Russian).
Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве: моногр. Казань: Изд-во КГУ, 1990. 111 с.
- Sadurski, W. (2009) Reasonableness and Value Pluralism in Law and Politics. In: Bongiovanni, G., Sartor, G. & Valentini, Ch. (eds.). *Reasonableness and Law*. Dordrecht, Springer, pp. 129—146.

- Sandel, M.J. (1998) *Liberalism and the limits of Justice*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge university press.
- Sandro, P. (2021) *The Making of Constitutional Democracy: From Creation to Application of Law*. Oxford, Hart Publishing.
- Schauer, F. (2015) *The Force of Law*. Cambridge, Harvard University Press.
- Shagieva, R.V. (2008) *The concept of legal activity in modern society: monograph*. 2nd ed. Kaluga, Polygraph-Inform Publ. (in Russian).
Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: монография. 2-е изд. Калуга: Полиграф-Информ, 2008. 280 с.
- Shagieva, R.V. (2014) *Norms of procedural law: theory and practice of their implementation: monograph*. Moscow, Norma Publ; INFRA-M Publ. (in Russian).
Шагиева Р.В. Нормы процессуального права: теория и практика их реализации: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 176 с.
- Shalamova, I.A. (2018) Realization of the right of citizens to a fair trial. *Eurasian legal journal*. 1 (116), 279—281. (in Russian).
Шаламова И.А. Реализация права граждан на справедливое судебное разбирательство // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1 (116). С. 279—281.
- Sheindlin, B.V. (1960) Rule of law and legal relationship. In: Brother S.N. (ed.). *Questions of the general theory of law*. Gosjurizdat, Moscow, 121—147. (in Russian).
Шейндлин Б.В. Норма права и правоотношение // Вопросы общей теории права / под ред. С.Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1960. С. 121—147.
- Sidorov, S.A. & Chestnov, I.L. (2014) *The mechanism of legal regulation in the system of social control: monograph*. Saint Petersburg, Alef-Press. (in Russian).
Сидоров С.А., Честнов И.Л. Механизм правового регулирования в системе социального контроля: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 224 с.
- Skorobogatov, A.V. (2021) Law enforcement in the structure of legal reality. In: Pozdnyakova E.V. (ed.) *South-Western Legal Forum: a collection of scientific papers of the South-Western Legal Forum dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Law of South-Western State University (October 15—16, 2021)*. Issue. 1. Kursk, South-Western State University, pp. 474—478. (in Russian).
Скоробогатов А.В. Правореализация в структуре правовой реальности // Юго-Западный юридический форум: сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета (15-16 октября 2021 года) / редкол.: Е.В. Позднякова (отв. ред.). Вып. 1. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2021. С. 474—478.
- Skorobogatov, A.V. & Krasnov, A.V. (2017) Legal Reality in Russia: Concept and Structure. *History of State and Law*. 7, 54—58. (in Russian).
Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. 2017. № 7. С. 54—58.
- Soldatova, A.V. & Soldatov, Ya.V. (2015) *Law enforcement in the social sphere*. Kazan, University of Management "TISBI" (Tatar Institute for Business Assistance). (in Russian).
Солдатова А.В., Солдатов Я.В. Правореализация в социальной сфере. Казань: Университет управления «ТИСБИ» (Татарский институт содействия бизнесу), 2015. 183 с.
- Stalgevich, A.K. (1957) Some questions of the theory of social legal relations. *Soviet state and law*. 2, 23—32. (in Russian).
Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социальных правоотношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 23—32.
- Supiot, A. (2007) *Homo Juridicus: On the Anthropological Function of the Law*. L., N. Y., Verso.
- Syrykh, V.M. (2014) *Materialistic theory of law: Selected works*. Moscow, Russian Academy of Justice. (in Russian).
Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное. М.: РАП, 2014. 1260 с.
- Tamanaha, B.Z. (2004) *On the Rule of Law: History, Politics, Theory*. N.Y., Cambridge University Press.

- Tamanaha, B.Z. (2006) *Law as a Means to an End: Threat to the Rule of Law*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Titova, E.V. (2015) On the problem of defining the category of “lawful behavior” in constitutional law. *Problems of Law*. 1 (49), 72—76. (in Russian).
Тимова Е.В. К проблеме определения категории «правомерное поведение» в конституционном праве // Проблемы права. 2015. № 1 (49). С. 72—76.
- Vengerov, A.B. (2004) *Theory of state and law: a textbook for law schools*. Moscow, Omega-L Publ. (in Russian).
Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М.: Омега-Л, 2004. 608 с.
- Wagner, A., Werner, W. & Cao, D. (2007) *Interpretation, Law and the Construction of Meaning: Collected Papers on Legal Interpretation in Theory, Adjudication and Political Practice*. Dordrecht, Springer.
- Wroblewski, Je. (1992) *The Judicial Application of Law*. Dordrecht, Springer.
- Zhigachev, G.A. (2011) Law enforcement at the present stage: conflicts, problems, contradictions. *Bulletin of the Tambov University. Ser. Humanitarian sciences*. 9 (101), 322—328. (in Russian).
Жигачев Г.А. Правореализация на современном этапе: конфликты, проблемы, противоречия // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 9 (101). С. 322—328.

Сведения об авторах:

Скоробогатов Андрей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП); Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42

ORCID ID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Краснов Александр Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия; Российская Федерация, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а

ORCID ID: 0000-0002-9934-4975

e-mail: field08@mail.ru

About the authors:

Andrey V. Skorobogatov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (EIML); 42 Moscow str., Kazan, 420111, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Alexandr V. Krasnov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Chair of the Theory and History of the Right and the State, Kazan branch of Russian University of Justice; 7a 2nd Azinskaya str., Kazan, 420088, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9934-4975

e-mail: field08@mail.ru